

Глава 6

Алексей Андреевич Аракчеев

Трудно найти в российской историографии фигуру более мифологизированную, чем граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834). Его исторический образ начал складываться под пером современников, позже – в работах публицистического жанра. Профессиональные историки конца XIX – начала XX вв. – Н.К. Шильдер, А.А. Кизеветтер, великий князь Николай Михайлович¹ – большую часть фактического материала, а зачастую и концептуальные решения, черпали именно из этих работ. Под их воздействием сложился устойчивый образ, который прочно вошел в общественное и историческое сознание и разрушение которого началось только в последнее десятилетие прошлого века². Историкам удалось, как нам кажется, преодолеть в этом плане многие стереотипы, и перед нами предстал крупный государственный деятель консервативного плана, четко вписывающийся в рамки своей эпохи.

Современный читатель узнал много интересного и примечательного о государственной и общественной жизни Аракчеева, частная же жизнь нашего героя до сих пор остается во многом загадкой, наполненной всевозможными домыслами и неточностями. Опираясь на вновь разысканные архивные материалы, переосмысливая уже опубликованные, мы постарались заполнить данную лакуну и реконструировать эту сторону жизни графа, без чего не-

возможно полное и более или менее верное представление о такой масштабной личности, как Аракчеев.

В частной жизни Аракчеева значительное место занимает его деятельность как помещика – владельца обширной Грузинской вотчины в Новгородской губернии. В историографии никогда не упоминалось, что он был владельцем еще одного небольшого имения в сельце Щеберино, расположенного в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. Оно досталось ему по разделу с родственниками после смерти отца в 1796 г. и включало всего 15 хозяйств с 80 душами крепостных обоего пола. Следовательно, какой-либо существенной роли в его хозяйственной деятельности оно играть не могло.

В историографии датой пожалования имения Грузино считается 12 декабря 1796 г., когда последовал указ Павла I Сенату: «Указом нашим от 4 декабря сего года Всемилостивейше пожаловали мы нашему генерал-майору Алексею Аракчееву в вечное и потомственное владение две тысячи душ: каковое число назначаем к отдаче Новгородского наместничества той же округи экономического ведомства в селе Грузине и состоящих поблизости к оному деревням того же ведомства, с принадлежащими к оным выставками, землями и угодьями...»³. Как видим, сам императорский указ последовал несколькими днями раньше и именно эта дата является официальным днем пожалования, поскольку указ Сенату только юридически закреплял этот акт.

В руки Аракчеева это имение попало весьма случайно. Дело в том, что имения были одновременно пожалованы нескольким лицам, в том числе и петербургскому генерал-губернатору Н.П. Архарову, с правом выбора такового. Через некоторое время Павел I поинтересовался, якобы, какое имение выбрал Аракчеев и когда тот ответил, что затрудняется в выборе, спросил: «А что выбрал Архаров?» Узнав, что тот выбрал Грузино, повелел отдать его Аракчееву, заметив при этом, что Архаров плохого имения не выберет⁴. Дело в том, что с 1784 г. Архаров исполнял должность Новгородского и Тверского генерал-губернатора, а с 1790 г. – главного директора водных коммуникаций и поэтому имел возможность хорошо узнать все преимущества местности, где располагалась Грузинская

вотчина, ее природные богатства, выгоды географического положения и т.п.

Село Грузино с ближайшими к нему деревнями с XIV в. принадлежало Новгородскому Воскресенскому Деревяницкому монастырю. И только небольшое село Лятицы и деревня Гудалово были во владении монастыря Невского. В начале XVII в. Грузино в результате вторжения шведов было разорено, а затем сильно пострадало от пожара, случившегося в ноябре 1749 г.⁵ Конфискованное в числе других монастырских вотчин, оно в 1705 г. было пожаловано во владение А.Д. Меншикову, которому и принадлежало вплоть до его опалы. После этого оно вновь было возвращено Деревяницкому монастырю и находилось в его владении до 1764 г., когда было секуляризовано. Аракчееву оно досталось в весьма плачевном состоянии, поскольку управляющие имением небрежно относились к своим обязанностям, что и привело его в «великое запустение».

На момент пожалования в имении числилось пять сел – Грузино, Оскуя, Клинково, Черницы и Лятицы, а также 27 деревень. Вскоре последние три села были переведены в разряд деревень, а церкви в них были упразднены. Общая площадь имения составляла 61 391 дес. (67,5 тыс. га), в том числе под поселениями находилось 163 дес., под пашней – 2632 дес., под сенокосами – 2834 дес., под лесами – 37 262 дес. и неудобной земли – 18 495 дес.⁶

Села и деревни располагались по правому берегу реки Волхова и по обоим берегам реки Оскуи. Через вотчину проходили большая С.-Петербургская дорога и большой тракт из Новгорода в Тихвин. В этом регионе преобладают суглинистые почвы, которые требуют внесения значительного количества удобрений для поддержания стабильной урожайности не ниже сам-3⁷. Местность была богата пойменными лугами, которые, как известно, дают значительно большие укусы сена, чем напольные. Леса были как строевые, так и дровяные. В них водились: олени, дикие козы, рыси, медведи, волки, лисицы, тетерева и т.д. Реки и озера изобиловали рыбными ресурсами: осетрами, налимами, судаками, сомами и др.

Будучи весьма занятым на государственной службе и понимая, что не сможет уделять достаточно внимания управлению столь значительным имением, Аракчеев начал деятельность помещика с создания вотчинной администрации. Была сформирована вотчин-

ная канцелярия, которая составила подробнейшие описи движимого и недвижимого имущества как самого владельца, так и его крестьян. Приверженец ведения подробной и четкой документации, он требовал скрупулезного учета всех сторон жизни вотчины: рождаемости и смертности, посевов и сборов хлебов, прибыли и убыли скота, сбора оброка, прихода и расхода денежных средств. Были заведены ужинные и умолотные книги, ведомости о выполнении барщинных работ и уплаты оброка, «штрафные журналы», где фиксировались провинности крестьян и последовавшие за них наказания. Его вотчинная канцелярия вела обширную переписку по имению, составляла детальную отчетность по всем вопросам хозяйственной жизни крестьян. Отдельные отчеты должны были предоставлять дворецкий (в том числе и в петербургском доме), архитектор, врач, а позже капельмейстер и садовник. Все они тщательно изучались Аракчеевым, визировались и отсылались в вотчинную канцелярию. Благодаря тому, что часть этой обширной и весьма разнообразной документации сохранилась до наших дней, мы имеем возможность достаточно подробно реконструировать хозяйственную и бытовую жизнь Грузинской вотчины.

Принимая активное и деятельное участие в управлении имением, Аракчеев разработал целую серию инструкций и правил, которые в историографии зачастую ставятся ему в вину, как средство крайней и жесткой регламентации жизни крестьян. Подробный анализ всех этих новаций графа позволяет утверждать, что среди них не было *ни одного документа*, реализация которого не имела бы практической пользы или ухудшал бы хозяйственную и бытовую жизнь крестьян. Хочется в связи с этим напомнить, что в те времена они требовали определенного попечительства со стороны мало-мальски просвещенного дворянства, поскольку традиции – вещь весьма консервативная, а всю новую информацию о мерах по улучшению хозяйственного быта они могли получать только от своего владельца или священника. Следует также напомнить, что многие дельные распоряжения и рекомендации крестьяне выполняли под сильным нажимом. Об этом, например, свидетельствует серия так называемых «картофельных бунтов», когда крестьяне отказывались превращать картофель в полевую культуру или практиковать ранний посев овса.

В управлении вотчиной Аракчеев прежде всего опирался на вотчинную администрацию. Во главе ее находился вотчинный голова, избираемый на волостном сходе и утверждавшийся владельцем. Именно голова отвечал перед последним за все стороны жизни в имении. Ему подчинялись старшины деревень, служители канцелярии и дворецкий, ведавший жизнедеятельностью самой усадьбы. Старшины избирались на крестьянских сходах и утверждались (из нескольких кандидатур) помещиком. Дворецкий назначался исключительно по воле владельца. На должность головы, как правило, избирался кто-то из зажиточных крестьян, чья семья занималась торговлей, поскольку самому ему не оставалось времени на ведение собственного хозяйства. Конечно, он должен был знать грамоту и быть весьма деятельным человеком. Голова получал жалованье в размере 100–120 руб. в год. Кроме того, за успешное руководство хозяйством вотчины он часто поощрялся Аракчеевым деньгами и подарками. Так, например, Иван Дмитриев, который более 20 лет служил на этой должности, почти ежегодно получал такие вознаграждения. Сменяемость этих крепостных чиновников, по нашим наблюдениям, была весьма незначительной: за сорокалетнее почти владение имением Аракчеев сменил только трех голов. Тот же Иван Дмитриев был пойман на воровстве помещичьего леса и сослан на поселение в Сибирь, то есть совершил уголовное преступление. Старшины сменялись гораздо чаще, поскольку вынуждены были заниматься собственным хозяйством и уделять при этом значительное внимание хозяйственной и бытовой жизни деревни, то есть общественной работе, выполняемой бесплатно, они не имели возможности.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, что Аракчееву со временем удалось создать образцовое предпринимательское хозяйство, ориентированное на рынок, чему в немалой степени способствовали развитая сеть транспортных коммуникаций, а также близость крупнейшего потребителя сельскохозяйственной продукции – С.-Петербурга и значительного торгового центра – Новгорода, а также наличие удобного водного пути – реки Волхова. Упор при этом делался не на зерновое производство, которое не обеспечивало внутренние потребности даже при хороших урожаях, вследствие недостаточного количества

пахотной земли и низкой средней урожайности хлебов, а на животноводство, как наиболее доходную отрасль сельского хозяйства для данного региона, и, особенно, на продажу сена и леса, которые были весьма востребованы в крупных городах. Наличие заливных лугов, а также постоянные расчистки в лесах, дающие стабильно высокие укосы трав, позволяли развивать именно эту сторону сельскохозяйственного производства.

Состав Грузинской библиотеки свидетельствует, что граф уделял много внимания литературе, посвященной сельскому хозяйству, особенно изданиям Вольного экономического общества⁸. Выросший в деревне, приобретший некоторые практические навыки, в совокупности с полученными теоретическими знаниями, он быстро понял выгоды правильного использования почв и климата для успешного ведения сельскохозяйственного производства.

При традиционных методах ведения зернового хозяйства средняя урожайность в этом регионе составляла сам-2,5 для яровых и сам-3,5 для озимых. В самые урожайные годы эти показатели не превышали, соответственно, сам-4,5 и сам-5,5. Поэтому Аракчеев и потребовал, чтобы в каждом хозяйстве на душевой надел пахотной земли приходилось не менее двух коров. Крупный рогатый скот обеспечивал минимум органических удобрений, необходимых для внесения в почву. В вотчине насчитывалось около 5 тыс. голов крупного рогатого скота. Следовательно, в среднем на каждое хозяйство приходилось по 6–7 коров.

Динамика поголовья лошадей свидетельствовала, что их численность значительно колебалась и зависела от многих причин: наличия запасов кормов в отдельные годы, распространения эпизоотий, интенсивности использования на различных работах и т.д. Наибольшее поголовье лошадей в вотчине зафиксировано в 1820–1821 гг., а затем оно начинает неуклонно снижаться с 1608 до 1263 голов в 1831 г. Наибольшие падежи зафиксированы в 1821 и 1822 гг., когда во всей Европейской части России отмечались массовые эпизоотии. Статистические данные свидетельствуют также, что не всегда крестьянский бюджет позволял быстро восстанавливать поголовье скота: так, например, в 1821 г. пало 136 лошадей и 275 коров, а куплено было только 102 лошади и всего 10 коров.

В нашем распоряжении отсутствуют статистические данные в разрезе отдельных крестьянских хозяйств, поэтому мы вынуждены оперировать средними показателями, что не позволяет качественно исследовать имущественное расслоение крестьян Грузинской вотчины. Средняя же насыщенность тягловым скотом составляла две головы на хозяйство. Естественно, что были хозяйства, где эти показатели были гораздо выше. Но при этом финансовые документы вотчинного архива свидетельствуют, что ежегодно некоторое количество крестьян занимало у графа, а позже в Заемном банке деньги для покупки хотя бы одной лошади на хозяйство.

Проанализируем основные источники доходов как крестьянских хозяйств, так и самого помещика. Как уже отмечалось выше, речь, прежде всего, идет о торговле сеном и лесом. Если пахотные земли целиком находились в пользовании крестьян (барская запашка отсутствовала), то луга были поделены между ними и Аракчеевым, причем пойменные луга отошли преимущественно последнему. Крестьяне пользовались в основном напольными лугами и лесными расчистками (нивами). Аракчеев внимательно следил за состоянием как собственных, так и крестьянских лугов и заставлял периодически их окультурировать. Крестьяне, испытывая недостаток в этих угодьях, прибегали к аренде сенокосов у ямщиков и крестьян соседних вотчин, а также делали расчистки в лесах и на неудобьях. Побочные занятия крестьян – охота, рыбная ловля, бортничество – были развиты слабо. Лен, в отличие от Старорусского уезда, выращивался в малом количестве и только для собственных нужд. Некоторая часть крестьян, владевших определенными ремеслами, уходила в отход, о чем свидетельствует значительное количество ежегодно выдаваемых отпускных билетов на разные сроки⁹.

Именно торговля сеном, лесом, некоторыми видами животноводческой продукции, а также отходничество позволяли крестьянам уплачивать немалые оброчные и государственные платежи. Будучи человеком консервативных взглядов, Аракчеев, однако, как помещик сразу же понял, что отработочная система в условиях развития товарно-денежных отношений не может дать хороших результатов. Поэтому его крестьяне выполняли небольшие по объему барщинные работы только во время сенокосной поры и в виде «штрафных санкций» в графской усадьбе. Все крестьянские хозяйства находились на денежном оброке.

Документы позволяют говорить о его постоянном номинальном росте и некоторой стабилизации после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Многие авторы рост оброчных платежей связывают в основном лишь с усилением эксплуатации крестьян. Так, например, Н.И. Яковкина в качестве доказательства этого тезиса приводит следующие цифры по Аракчеевскому имению: если в 1797 г. оброчные платежи составляли 4 руб. 75 коп. с души, то к 1818 г. – уже 18 руб.¹⁰ Определенная доля истины в этих утверждениях присутствует, но главная причина, как нам кажется, заключается в нарастающей инфляции, которая в первой четверти XIX в. составляла до 10–15 % в год. При этом необходимо добавить, что Аракчеев платил все государственные сборы (подушная подать, рекрутские и мирские сборы) исключительно из оброчных денег и никаких других дополнительных сборов в свою пользу не требовал. Таковые сборы проводились только по постановлениям мирских сходов и шли на нужды крестьян всего имения (строительство новых домов, дорог, общественных зданий), составляя от 3 до 3,5 руб. в год с души.

Недоимок по оброчным платежам в имении не было по одной простой причине: некоторое количество неплательщиков прощал сам Аракчеев, часть задолженности погашалась по постановлениям мирских сходов из общественных фондов. По нашим подсчетам, в бюджет графа недопоступало в среднем до 1–1,5 тыс. руб. в год. «Я не беру большого оброка, – говорил Аракчеев, – лес и луга – вот мой доход; но я недавно выдумал новый – мои крестьяне имеют большое скотоводство»¹¹. И еще одно замечание – суммы оброчных платежей крестьян Грузинской вотчины не превышали средних показателей по стране¹². В годовом бюджете Аракчеева оброчные платежи, по нашим подсчетам, не превышали 20 %, остальные поступления осуществлялись за счет хозяйственной деятельности помещичьего сектора имения, а также государственного жалования графа.

С целью стимулирования хозяйственной и предпринимательской деятельности крестьян в июне 1820 г. в имении был основан Заемный крестьянский банк, для учреждения которого Аракчеев пожертвовал 10 тыс. руб. Им, при содействии известного экономиста и государственного деятеля Н.С. Мордвинова, было составлено «Положение о заемном банке для крестьян Грузинской вотчины»¹³. В банке можно было оформить ссуды на строительство до-

мов (до 150 руб.), покупку скота (коровы – до 60 руб., лошади – до 100 руб). Ссуды выдавались под 5 % годовых, но некоторые крестьяне получали и беспроцентные ссуды. Банк принимал на хранение деньги от крестьян и дворовых также под 5 % годовых. На ведение торговых операций беспроцентные ссуды не выдавались. Кроме заемного банка Аракчеев учредил мирской и собственный запасные хлебные магазины, из которых, в случае необходимости, крестьянам выдавались ссуды зерном до нового урожая. Запасной хлебный магазин был коллективной собственностью (в пределах существовавших юридических норм) всех крестьян и пополнялся за счет ежегодных взносов определенного количества зерна. Следует отметить, что крестьяне вотчины весьма активно пользовались услугами банка, и это стимулировало их экономическую деятельность. Показательно, что банк продолжал функционировать и после смерти Аракчеева, его капитал в 1870-е годы составлял порядка 30 тыс. руб.¹⁴

Как и другие владельческие крестьяне, крестьяне Грузинской вотчины выполняли большие объемы общественных работ: строительство и ремонт дорог, мостов, общественных зданий, предоставление подвод при движении войск и перевозке государственных грузов. С целью обслуживания нужд вотчины и в связи с развертыванием масштабных строительных работ были основаны кирпичные заводы (всего 9), мельницы, лесопильни и т.д. На кирпичных заводах работали либо наемные работники, либо крепостные крестьяне за плату. Отработки в виде штрафных санкций здесь хотя и применялись, но довольно редко.

Достаточно часто Аракчеев заключал договоры о выполнении его крестьянами различных казенных подрядов: построек шоссейных дорог, различных зданий и сооружений вне пределов вотчины. Часть полученных за работу средств шла на пополнение капиталов Заемного крестьянского банка, часть – на погашение недоимок, часть – в крестьянский бюджет. Так, например, после постройки его крестьянами отрезка государственного шоссе в 25 верст, стоимость которого была оценена в 86 589 руб., он обратился в Комитет министров с просьбой поместить эту сумму в Государственную комиссию погашения долгов с тем условием, чтобы проценты от нее поступали в счет уплаты государственных податей с крестьян вотчины. Этот поступок он объяснял тем, что не «мыслит о своем

обогащении, но более всего заботится о благосостоянии крестьян, поверенных Богом и правительством его попечению»¹⁵.

В пользу того, что вотчина на фоне других помещичьих хозяйств динамично развивалась и давала стабильно высокие доходы, говорит следующая статистика: в 1818 г. в ней насчитывалось 2368 душ мужского пола, оброк платился с 2229,5 душевых наделов, не платился оброк с 89 душевых наделов; числилось около 650 хозяйств, 900–1000 работников, 20–30 семей торгующих крестьян и до 70 человек мастеровых. Крестьянские хозяйства имели в своем распоряжении до 1500 лошадей, до 5000 коров и до 2700 овец.

В отличие от большинства помещиков, Аракчеев много внимания уделял социальной защите и религиозному развитию своих крестьян, что, в большой степени, было характерно только для просвещенной части этого социального слоя. Напомним хотя бы о строительстве и украшении здания собора Андрея Первозванного в Грузино – единственной соборной церкви в частном имении того времени. Методы воспитания были традиционными: граф приказывал вотчинной администрации строго следить за тем, чтобы крестьяне регулярно ходили на исповеди и к причастию, посещали воскресные службы, строго соблюдали посты, знали молитвы. Тем, кто не знал молитв, он запрещал жениться.

Особенно активно Аракчеев боролся с пьянством: он приказал закрыть все кабаки на территории вотчины и запретил покупать вино на стороне. В 1820 г. он издал положение, в котором говорилось: «Вино всякому крестьянину отпускать по числу имеющихся у него коров, полагая на каждую к праздникам по 1/4 штофа, а к свадьбам по полуштофу»¹⁶. Штоф в то время равнялся 1,2 литра¹⁷. Иногда его гнев, вызванный употреблением алкоголя, падал на целую деревню. Так, например, в приказе вотчинному голове от 3 декабря 1816 г. говорилось, что «...по случившейся в деревне Мелехове о празднике драме, запрещаю одной деревне впредь, к обоим праздникам, как пиво варить, так и вино покупать, впредь, пока она деревня загладит оный поступок»¹⁸.

На средства Аракчеева в имении был оборудован госпиталь со стационарным отделением, услугами которого пользовались, причем бесплатно, все жители вотчины. В отдельные годы расходы на его содержание: оплату лекаря и лекарского ученика, покупку медикаментов и оборудования, обеспечение продовольствия и т.д.

достигали 2,5–3 тыс. руб.¹⁹ Кроме лечения больных в стационаре и посещающих госпиталь амбулаторно, лекарь обязан был выезжать к больным в деревнях, а также проводить оспопрививание. Такие чрезмерные нагрузки приводили к тому, что лекаря в Грузино не выдерживали темпа работы более 2–3 лет, несмотря на высокое жалование – до 1,5 тыс. руб. в год (жалование полкового командира составляло 1600 руб.).

Вотчинная администрация, лекарь обязаны были следить за санитарным состоянием в крестьянских домах и на деревенских улицах. Все крестьянские дома (именно дома, а не избы) были оборудованы стандартными окнами с форточками, что позволяло проветривать помещения. Крестьянские избы такой процедуры не знали. Чистота также должна была поддерживаться во дворах и хозяйственных помещениях. Женщины должны были рожать либо в госпитале, либо под присмотром лекаря. Случаи родов в поле или на других работах, что было тогда распространенным явлением в России, практически не отмечались. Аракчеевым были составлены «Краткие правила для матерей-крестьянок Грузинской вотчины», где в доступной форме были изложены требования гигиены по уходу за младенцами, их кормлению и воспитанию.

Что же касается распространения среди крестьян грамотности, то Аракчеев, вероятно, считал это дело излишним. В 1816 г. он приказал обучить грамоте нескольких крестьянских мальчиков, но это было сделано лишь для того, чтобы подготовить необходимое количество писарей. В приказе вотчинному голове Ивану Дмитриеву от 3 декабря 1816 г. он предписывал: «Тебе самому должно быть заметно, что нужно стараться иметь в вотчине, по деревням, несколько крестьян, знающих грамоту и письмо. Для чего и нужно сделать начало и обучать мальчиков грамоте...»²⁰. Как и всюду в России, грамотность развивалась слабо, в 1820 г. в вотчине насчитывалось не более 20 человек, умеющих читать и писать. В.А. Федоров ошибочно утверждает, что в имении существовала постоянно действующая школа²¹.

Естественно, что Аракчеевым двигали побуждения не только альтруистического, но и чисто утилитарного свойства. Увеличение населения вотчины, его хорошее физическое состояние должны были способствовать увеличению ее доходности. Характер труда в то время требовал не обширных знаний, а значительных физичес-

ких усилий и выносливости. Усилия Аракчеева привели к стабилизации демографической ситуации в имении. При этом смертность, как и по всей стране, продолжала оставаться высокой, в основном за счет новорожденных. Население вотчины с 4098 человек в 1796 г. возросло до 4950 человек в 1834 г., то есть за год, в среднем оно увеличивалось на 0,4–0,5 %. По седьмой ревизии 1816 г. в Грузинской вотчине насчитывалось 30 населенных пунктов, 668 хозяйств и 4746 жителей обоего пола. Самым большим населенным пунктом было не село Грузино – административный центр вотчины, а село Оскуя, где проживало 320 жителей.

По нашим данным, высокая смертность и падение рождаемости наблюдаются в наиболее напряженные для всей страны годы. Кроме естественной убыли, можно отметить и другие источники сокращения населения: отдачу в рекруты, побег. За весь изучаемый период в документации вотчины зафиксировано 5 случаев побегов – цифра совершенно незначительная на фоне почти пятидесяти тысяч населения. Причинами побегов были, как правило, бытовые внутрисемейные конфликты, но никак не «усиление эксплуатации». Аракчеев никогда своих крестьян не продавал. Покупал же он только дворовых людей. За период с 1800 по 1825 год им было куплено 11 человек на сумму 7730 руб.²² Случаи отпуска дворовых на волю были единичными²³.

Особую заботу и гордость графа Аракчеева составляла застройка сел и деревень по регулярному образцу. Его вотчинный архитектор А.И. Минут (некоторые авторы считают его крепостным, на самом деле он имел чин надворного советника, числился по артиллерийскому департаменту и состоял у графа на оплачиваемой должности) разработал проект крестьянского дома с надворными постройками, планировка которого коренным образом отличалась от традиционной подобной застройки. В.А. Томсинов почему-то полагает, что дома, построенные по этим планам, не имели надворных строений²⁴. В фонде Аракчеева сохранилось значительное количество графических материалов, опровергающих это утверждение²⁵. Да и умозрительно трудно представить, чтобы крестьянское хозяйство не включало подобные сооружения. Просто архитектор решил несколько отдалить их от жилых помещений с тем, чтобы создать более комфортные условия для жизни.

Дома в некоторых деревнях перестраивались, а в некоторых выстраивались заново. Так, например, вновь было отстроено выгоднее полностью в 1805 г. с. Оскуя. Застройка велась планомерно и без особой спешки. Строительные материалы заготавливались вотчинной администрацией централизованно и по оптовым ценам²⁶. Часть материалов – кирпич, доски – производилась на месте. Крестьянские дома имели довольно презентабельный вид и более походили на городскую застройку: возводились из дерева на каменном фундаменте (цокольный этаж имел хозяйственное значение), обшивались тесом, покрывались железом и несколько раз окрашивались. Постройки возводились на некотором удалении друг от друга и делалось это исключительно в противопожарных целях. Необходимо отметить, что этому вопросу в вотчине уделялось большое внимание, следствием чего стало значительное уменьшение случаев подобного бедствия. Так, например, крестьянам категорически запрещалось пользоваться лучинами и разрешалось освещать помещения только фонарями; в распоряжении сельских обществ был пожарный инвентарь, пользоваться которым регулярно обучались крестьяне.

Строительство новых домов осуществлялось за счет крестьян, общественных сборов и средств самого Аракчеева в равных долях. Если учесть, что полная стоимость сельского дома составляла до 2500 руб., а деревенского – до 1500 руб.²⁷, то расходы, ложившиеся на плечи крестьян, были весьма и весьма значительными. Н.Г. Богословский полагал, находясь, по-видимому, под влиянием негативного отношения общества к личности графа, что Аракчеев перестраивал деревни «без всякого соображения в отношении к хозяйству крестьян, но для вида, чтобы все было симметрично и гладко»²⁸. Проведенный нами анализ графических материалов свидетельствует, что подобные мнения совершенно не выдерживают критики, поскольку все начинания графа в этом отношении носили исключительно рациональный характер, а крестьяне его вотчины (не все, конечно) имели достаточные средства, чтобы позволить себе иметь подобные дома и значительное количество рабочего и продуктивного скота. В пользу подобного мнения свидетельствует и разысканный нами в фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея любопытный документ – записка неизвестного автора о посещении Грузинской вотчины в 1817 г.²⁹ с

подробным описанием хозяйственной и бытовой жизни крестьян. Если других авторов подобных записок и можно заподозрить в определенной апологетике, поскольку все они посещали Грузино в качестве гостей графа и предназначали свои записки для печати, то данное свидетельство исходило от человека, который проезжал через вотчину как нейтральное лицо и совершенно не зависел от всемогущего графа. Поэтому вполне обоснованно можно полагать, что его суждения об увиденном были вполне самостоятельными и не ориентировались на желания или положение владельца вотчины. И в первую очередь автор отмечает именно рациональность крестьянской застройки и отличное состояние дорог, что было весьма нехарактерно для России того времени.

В заключение этого сюжета отметим, что Александр I посещал Грузинское имение одиннадцать раз: впервые – летом 1810 г. после отставки Аракчеева с поста военного министра и последний – летом 1825 г. перед своим последним путешествием на юг страны. Император бывал не только в самой усадьбе, где для него была оборудована и соответствующим образом обставлена комната, но и во многих деревнях. Он неоднократно восхищался отличными дорогами и совершенно необычной застройкой деревень, часто заходил в дома крестьян (по собственному выбору), беседовал с ними, дарил деньги и подарки. Случай, когда император многократно посещал одно и то же имение, и не только самого владельца, но и простых крестьян, во всей истории России – единственный.

Можно предположить, что именно крестьянский быт вотчины Аракчеева, с которым император впервые познакомился летом 1810 г., натолкнул его на мысль создания военных поселений. Три факта свидетельствуют в пользу этого: во-первых, в сентябре этого же года последовал указ на имя начальника 11-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П.Л. Лаврова о подготовке к развертыванию военных поселений, в результате чего в феврале 1812 г. началось поселение запасного батальона Елецкого пехотного полка этой дивизии в Могилевской губернии³⁰. Во-вторых, именно А.И. Минут проектировал дома-связи для военных поселенцев, которые во многих деталях были аналогами домов крестьян Грузинской вотчины. В-третьих, организация и управление хозяйственной частью поселений во многом напоминали хозяйственный быт аракчеевского поместья.

Перестроив имение по своему усмотрению, проложив велико-
ленные по тем временам дороги, Аракчеев требовал, чтобы в де-
ревнях соблюдались чистота и порядок, что для крестьянства было
весьма экзотичным моментом, а некоторые современники обви-
нили его за это в жестокости. В качестве иллюстрации приведем
текст его приказа голове Грузинской вотчины от 13 октября 1816 г.:
«Как я строго взыскиваю с тебя и со всех старшин за нечистоту на
улицах в деревнях, и вы верно думаете, что сие происходит единс-
твенно по одному моему желанию, то я посылаю тебе печатный го-
сударев указ, из которого ты увидишь, что чистота улиц требуется
и от Государя Императора. Почему, объявляя оное всем старшинам,
предписываю тебе еще прилежнее за оным в деревнях смотреть и
взыскивать со старшин, а я буду отныне еще строже взыскивать с
тебя и со старшин»³¹. Необходимо заметить, что указ императора
касался только городов, о сельских поселениях в нем не было ска-
зано ни слова, поскольку он прекрасно осознавал невыполнимость
подобного требования. Но только не для Аракчеева. Именно эта
страсть к порядку, чистоте, педантизм в любых мелочах вызыва-
ли у многих современников, а затем у публицистов и историков
в последующем раздражение и чисто эмоциональное восприятие
личности Аракчеева. Справедливости ради отметим, что иногда
Аракчеев все-таки перегибал палку. Так, например, он запретил
крестьянам самого села Грузино и близлежащих деревень держать
свиней, поскольку эти «животные роют землю и, следовательно,
производят беспорядки»³².

Материальный уровень жизни владельца имения, его запросы
и финансовые возможности достаточно репрезентативно иллюс-
трируют показатели бюджета. При известной пунктуальности и
педантичности Аракчеева, его финансовые документы являются
неоценимым источником для изучения этих сторон его жизни.
Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверж-
дать, что его годовые бюджеты, как правило, сводились с положи-
тельным, хотя и небольшим, сальдо. Структура как доходной, так
и расходной части бюджета была достаточно сложной.

К основным источникам дохода, по мере их значимости в бюд-
жете, необходимо отнести: оброчные сборы (максимальные цифры
достигали 35–45 тыс. руб.), не превышавшие 20 % доходов; сум-

мы, получаемые от коммерческой деятельности (продажа сена,
дров, продуктов животноводства) – 30–35 тыс. руб.; жалованье по
должности, столовое содержание, плата за ордена – до 20 тыс. руб.;
арендные статьи (содержание почтовых станций, перевозов на
р. Волхов, торговых лавок, рыбные ловли) – до 15–20 тыс. руб.;
всевозможные мелкие поступления – до 5–8 тыс. руб. Ежегодный
доход в среднем достигал 130–150 тыс. руб., при этом значитель-
но колебался и зависел от самой ситуации в стране, участия в ней
Аракчеева, конъюнктуры рынка. Определенная стабилизация в
этом вопросе наступила после окончания Отечественной войны
1812 г. и заграничных походов. В этот период годовые доходы гра-
фа составляли до 180 тыс. руб. После ухода Аракчеева в отставку
в 1826 г. его доходы начинают снижаться, поскольку активная ком-
мерческая деятельность графа в С.-Петербурге практически сошла
на нет. Заметим при этом, что жалованье он продолжал получать
до 1833 г., когда был уволен с должности инспектора всей пехоты
и артиллерии³³.

Основные статьи расходов составляли: строительство и содер-
жание собора Андрея Первозванного – 9–10 тыс. руб. в год; стро-
ительство, ремонт и оснащение здания усадьбы, казенного дома в
С.-Петербурге, разбивка и поддержание в порядке парка и сада в
усадьбе – 35–40 тыс. руб.; оплата жалованья наемным рабочим и
дворовым людям – до 30 тыс. руб., расходы на собственные нуж-
ды, помощь родственникам, раздачи денег как военным служащим
(в основном нижним чинам), так и собственным крестьянам – до
10–15 тыс. руб., расходы на содержание воспитанников – А.Л. Кор-
сакова и М.А. Шумского – до 5 тыс. руб. Эта часть бюджета на-
прямую зависела от доходной части, поскольку остаточные суммы,
как правило, были незначительными.

Структура расходной части бюджета позволяет утверждать, что
Аракчеев не был скупым, скардным человеком, как принято считать
в историографии. Это мнение сложилось на основе ряда воспомина-
ний современников, которые обвиняли его в этих пороках на осно-
вании того, что он был очень умеренным в повседневной жизни: не
пользовался изысканным столом, очень просто одевался, его экипа-
жи не отличались вычурностью. Да, он был экономным человеком,
уважал строгий учет всего, но жадным он никогда не был. Он рано

научился соизмерять свои возможности: даже в молодости, войдя уже в значительные чины, он вел весьма скромный образ жизни, о чем свидетельствуют его письма к брату Андрею³⁴. С годами его финансовые возможности возрасали и он мог позволить себе проиграть некоторые суммы в карты, подарить несколько тысяч рублей родственникам или близким друзьям, устроить шикарную свадьбу с богатыми подарками своей невесте³⁵. Он постоянно помогал матери – Елизавете Андреевне, которая продолжала проживать в своем родовом имении в с. Курганы Тверской губернии. Таким же образом он поступал и в отношении младшего брата – Петра, который хотя и достиг генеральского чина, но был никудышним помещиком, постоянно имел долги, поскольку его образ жизни – постоянные визиты в Москву и Тверскую губернию из Киева, где он служил комендантом – приводил к значительным расходам. В меньшей степени он помогал среднему брату – Андрею, с которым у него после 1799 г. сложились весьма натянутые отношения. Напомним, что в этом году Аракчеев был отставлен от службы в связи с ложным донесением, в котором он пытался выгородить провинившегося брата. Но и после этого он продолжал, как свидетельствуют документы, передавать ему некоторые суммы.

Значительные средства он затрачивал на воспитание и содержание сына своей любовницы Настасьи Федоровны Минкиной – Михаила Андреевича Шумского. Этот факт зафиксирован и в некоторой степени изучен в историографии³⁶. Нам удалось установить, что, начиная с 1802 г., у него был еще один воспитанник – Александр Львович Корсаков, который после окончания частного пансиона был определен в Пажеский корпус и в декабре 1812 г. выпущен в гвардию в чине прапорщика³⁷. Нам пока не удалось установить, почему он взял его на воспитание и в каком родстве с Корсаковыми – соседями по имению в Тверской губернии, – он находился. В 1820-е гг. его следы теряются. И в судьбе Аракчеева, в отличие от Шумского, он не сыграл какой-то заметной роли.

До открытия Грузинского заемного банка граф тратил значительные средства на поддержание бедных крестьян. Часть денег он выдавал безвозмездно, особенно тем, кто не ленился и пытался всеми силами поправить свои материальные дела, часть денег давал в долг. Ведя масштабные строительные работы, он затрачивал большие средства на оплату труда наемных рабочих. Если привле-

кались свои крепостные, они также получали оплату за свой труд, особенно квалифицированный. Немного можно привести примеров, когда помещики считали необходимым платить собственным крестьянам за их труд.

Еще один показательный пример: в 1807 г. произошло очень сильное наводнение, в результате чего погибла значительная часть озимых посевов и много скота. Аракчеев приказал вотчинному голове на его собственные средства «...покупать хлеб барками и раздавать всем крестьянам <...> Уплата денег производилась через три года, от которой многие по бедности были освобождены. Также куплено было от помещика более 200 коров и 100 лошадей, которые все розданы наипаче посредственного состояния людям с подобною же за оные уплатою»³⁸. Подобные действия он предпринимал и в другие годы, отмеченные неурожаями, эпидемиями и эпизоотиями.

Все эти факты свидетельствуют в пользу того, что распространенная в историографии версия о его супержадности является умозрительной и не соответствует историческим фактам. Если его и нельзя назвать суперщедрым человеком, то с определенной долей уверенности его можно считать альтруистом в пределах своих возможностей. И это совершенно не означает, что он изменил своим консервативным воззрениям, поскольку ни государственный строй, ни крепостные отношения никогда не вызывали у него сомнения. А проявления гуманизма шли у него не столько от сердца, сколько от разума: он прекрасно осознавал, что зажиточное крестьянское хозяйство – залог его собственного благополучия. А требования умеренности во всех проявлениях жизни, соблюдения норм гигиены – это средства достижения цели, наряду с мерами чисто экономического характера.

Анализ хозяйственной деятельности как крестьянской части вотчины, так и помещичьей, свидетельствует, что Аракчееву удалось создать достаточно рентабельное предпринимательское хозяйство, и если бы не значительные затраты на строительство различных памятников, которые он вел всю жизнь, то его итоговые накопления были бы еще значительнее. В этом плане возникает один вопрос, который требует дополнительного изучения. Суть его заключается в том, что после смерти Аракчеева в апреле 1834 г. специальная комиссия, которая, по инициативе императора, была

создана для разбора бумаг покойного, зафиксировала на его счетах в банковских и других всевозможных кредитных организациях, а также наличными более 1,7 млн руб. ассигнациями³⁹. Если учесть, что за год до смерти он внес на содержание кадет Новгородского корпуса 300 тыс. руб., а также заплатил за сооружение и установку памятника Александру I в Грузино около 80 тыс. руб., сделал вклад в размере 50 тыс. руб. для премирования лучшего сочинения о жизни и деятельности Александра I, которое должно было быть написано к 100-летию юбилею со дня смерти последнего, то оказывается, что его финансовое состояние к концу жизни оценивалось более чем в 2 млн руб.

Учитывая показатели его бюджета, то есть остаточные суммы от каждого года, приходим к выводу: накопить подобную сумму обычными способами было невозможно. Взятки Аракчеев не брал, в казнокрадстве никогда уличен не был, крупных продаж недвижимости не совершал. Откуда взялась такая значительная сумма? Единственным возможным средством достижения таких результатов были банковские операции. В пользу такой версии свидетельствует значительное количество кредитных билетов, обнаруженных комиссией после его смерти. В августе 1834 г. управляющий Грузинским имением, уездный предводитель дворянства Тырков общал в Хозяйственный комитет Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса, что среди бумаг покойного находится «...билетов сохранной Казны Императорского С.-Петербургского воспитательного дома семьдесят на один миллион двадцать тысяч двести три рубля, семьдесят две копейки. Два свидетельства о внесении в оную же казну трех тысяч рублей по двум билетам; билетов Государственного казначейства четыреста девяносто девять на сто двадцать четыре тысячи семьдесят пять рублей; билетов Государственного заемного банка четыре на сорок шесть тысяч рублей, билет комиссии погашения долгов на девяносто шесть тысяч рублей <...> векселей пять на пятьдесят пять тысяч рублей»⁴⁰.

Все это свидетельствует в пользу того, что при всем своем политическом консерватизме, он не был крайним консерватором в социально-экономических вопросах. Приведенные выше факты свидетельствуют, что Аракчееву, даже в условиях сохранения крепостнических отношений, удалось создать рентабельное хо-

зяйство, в котором крестьянский сектор играл далеко не доминирующую роль. Сами же крестьяне получили весьма значительный экономический стимул для развития своего хозяйства – фиксированный денежный оброк. Свою роль помещика он видел не только в присвоении прибавочного продукта, но и эффективном, неформальном попечительстве, что соответствовало идее «полицейского государства», зародившейся еще в эпоху Петра I. Поэтому он много делал для социальной защиты своих крестьян. Другое дело, что многие методы проведения этой политики не всегда нравились последним, особенно его педантичная требовательность. По мнению настоятеля собора Андрея Первозванного в с. Грузино протоиерея Ф. Малиновского, «...искусство поправить вотчину во всех ее частях состояло в том, что с пресечением продолжительных, наипаче летних празднований, больше обращать внимания на домашние занятия и на усовершенствование бедных»⁴¹.

Да, он строго наказывал за нерадение к труду, за несоблюдение норм морали и гигиены. Крестьянская ментальность начала XIX в. не могла благосклонно воспринять такую «заботу», но постепенно большинство крепостных втянулось в подобный образ жизни, о чем свидетельствует совершенно незначительное количество побегов, совершавшихся обычно на бытовой почве. Сохранились воспоминания крестьян вотчины графа, записанные в 1850–1860-е годы, то есть спустя много лет после его смерти. В них время, когда вотчиной владел Аракчеев, характеризуется как лучшее по сравнению с последующим, когда они лишились «указующей руки» и не всегда с пользой могли распорядиться обретенной свободой.

Таким образом, Аракчеева как помещика можно назвать консерватором-новатором, поскольку он не был противником самой системы, но на общем фоне экономической действительности России первой трети XIX в. подобных примеров было не так уж и много, хотя многие методы и средства, применяемые им, были адекватны эпохе. Заметим при этом, что Гатчинское имение великого князя Павла Петровича, по оценкам современников, также было хорошо организованным и рентабельным хозяйством. Можно предположить, что именно оно и послужило эталоном для владельца Грузинской вотчины.

Примечания

- ¹ Шильдер, Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. III–IV. Спб., 1898; Кизеветтер, А.А. Аракчеев // Русская мысль. 1910. № 4. С. 42–72; № 12. С. 1–31; Он же. Император Александр I и Аракчеев в их взаимоотношениях // Русская мысль. 1911. № 2. С. 1–33; Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического наследования. М., 1999.
- ² Томсинов, В.А. Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996; Федоров, В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997; Ячменихин, К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 17–62.
- ³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 154. Оп. 1. Д. 181. Л. 5.
- ⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 16. Карг. 25. Д. 10. Л. 4.
- ⁵ Малиновский, Ф. Историческое описание села Грузина. М., 1816. С. 15, 24.
- ⁶ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 181. Л. 33–33 об.
- ⁷ Жекулин, В.С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972. С. 36.
- ⁸ Ячменихин, К. Библиотека «фрунтового солдата» // Библиофил. 1999. № 1. С. 105–112.
- ⁹ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 350. Л. 15, 27, 36, 71.
- ¹⁰ Яковкина, Н.И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX века // Вопросы истории России XIX – начала XX в. Л., 1983. С. 47.
- ¹¹ Федоров, В.А. Указ. соч. С. 80.
- ¹² Ковальченко, И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 176.
- ¹³ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 449. Л. 5–7.
- ¹⁴ Отто, Н. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и Новая Россия. 1875. Т. 1. № 4. С. 388.
- ¹⁵ Ячменихин, К.М. Алексей Андреевич Аракчеев. С. 29.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 457. Л. 46.
- ¹⁷ Черепнин, Л.В. Русская метрология. М., 1944. С. 79.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 457. Л. 50.
- ¹⁹ Там же. Д. 334. Л. 108–110.
- ²⁰ Там же. Д. 457. Л. 87.
- ²¹ Федоров, В.А. Указ. соч. С. 87.
- ²² РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 215. Л. 72.
- ²³ Там же. Д. 326. Л. 1–1 об.
- ²⁴ Томсинов, В.А. Указ. соч. С. 77.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 202. Л. 4.
- ²⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 29. Д. 10. Л. 124–125.
- ²⁷ Там же. Л. 171–171 об.
- ²⁸ Богословский, Н.Г. Аракчеевщина. Спб., 1882. С. 37.

- ²⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 17. Оп. 2. Д. 143. Л. 1–18.
- ³⁰ Ячменихин, К.М. Военные поселения в планах правительства Александра I // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1994. С. 25.
- ³¹ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 279. Л. 178.
- ³² Отто, Н. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и Новая Россия. 1875. Т. 1. С. 379.
- ³³ ОР РНБ. Ф. 859. Карг. 31. № 14. Л. 1–2.
- ³⁴ Алексей Андреевич Аракчеев в 1796–1797 гг. Его письма к брату Андрею Андреевичу // Русская старина. 1891. № 8. С. 404–407.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 285. Л. 78–79.
- ³⁶ Шубинский, С.Н. Сын Аракчеева // Нива. Ежемесячное литературное приложение. 1899. № 3. С. 519–542.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 395. Л. 4 об.
- ³⁸ Малиновский, Ф. Указ. соч. С. 42–43.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 684. Л. 8–9.
- ⁴⁰ Там же. Л. 9–10.
- ⁴¹ Малиновский, Ф. Указ. соч. С. 45.